

**КРИТИКА АЛЬТРУИЗМА
В «ОБЪЕКТИВИСТСКОЙ ЭТИКЕ» А. РЭНД**

С. Ф. Васильев

Алтайский государственный технический университет
им. И. И. Ползунова, г. Барнаул, Россия

В статье рассматриваются этические взгляды А. Рэнд. Проводится анализ ее критики альтруизма.

Ключевые слова: этика, мораль, альтруизм, эгоизм.

**CRITICISM OF ALTRUISM IN THE "OBJECTIVIST"
ETHICS A. RAND**

S. F. Vasiliev

Altai state technical university, Barnaul, Russia

The article discusses the ethical views of A. Rand. It also analyses her criticism of altruism.

Keywords: ethics, morality, altruism, selfishness.

Творчество А. Рэнд на ниве философии, в частности, этики, заслуживает внимания, поскольку оно является выражением умонастроений значительной части наших современников. А. Рэнд развивает то, что можно назвать этикой рыночного фундаментализма, используя удачный термин Д. Сороса. Под рыночным фундаментализмом мы понимаем абсолютизацию ценности рыночных отношений и логики рыночного обмена и их трактовку как самых эффективных и справедливых.

А. Рэнд бескомпромиссно обрушивается на альтруизм и пытается положить в основу этики его противоположность – эгоизм. При этом она пытается отмежеваться и от гедонизма, и от насильственных методов, допускаемых, например, индивидуалистической философии Ф. Ницше.

Конечно, такая редукция всех человеческих отношений к безжалостному эгоизму и третирующее бескорыстных поступков имеет мало общего с действительной моралью. Еще Ф. Хатчесон обнаружил феномен морального чувства, которое не связано с интересами личной выгоды. И. Кант сформулировал закон человеческого долга с его требованием бескорыстного добра.

Критика альтруизма у А. Рэнд поднимает вопрос о самом существовании альтруизма и эгоиз-

ма, и о нравственной годности альтруизма, которая и ставится ею под сомнение.

В представлении А. Рэнд есть три традиционные школы этики – мистическая, социальная и субъективная. По ее мнению, это – варианты альтруизма, то есть этической теории, которая рассматривает человека как «жестокое животное», отказывает ему в праве существовать ради самого себя и считает, что единственное моральное оправдание индивида заключается в его служении другим, а его наивысший моральный долг, достоинство и ценность — принести себя в жертву другим людям. Альтруизм – требование жить не для себя, а для общества или других людей, жертвовать всем ради других.

Против альтруизма А. Рэнд выставляет свою концепцию «разумного эгоизма». Базовым правом человека, по мысли А. Рэнд, является право человека на жизнь – удовлетворение своих потребностей и желаний. Он имеет право искать личной выгоды и личного счастья. Каждый человек сам есть цель, он существует ради самого себя, и достижение собственного счастья – его высшая моральная цель. Никаких моральных обязательств человек перед другими людьми не имеет. Только взаимовыгодный обмен – вот каковы должны быть отношения между людьми.

ся уверить в том, что именно с позиций разума альтруизм должен быть отвергнут.

А. Рэнд пытается провести рациональную аргументацию против альтруизма. Она пытается

Назовем ее первый аргумент против альтруизма «сингуляристским». Его можно сформулировать так: альтруизм подчиняет личность фикции общества. Вместо поисков личного счастья человек должен служить обществу. Таким образом, индивид превращается в «раба» общества и даже в его «жертвенное животное». Но на самом деле общества, по мнению А. Рэнд, не существует. Под этим словом прячутся правители, требующие слепого повиновения, исходя из негласного принципа: хорошо то, что хорошо для общества (племени, расы, нации), а указы правителя — голос общества на земле.

Таким образом, альтруизм — маска, которую надевают эгоисты-правители, чтобы управлять другими людьми и их эксплуатировать. Но позвольте: правители чего имеются в виду? Общества. Но его же не существует. Тогда и правители невозможны — нечем править. Если правители общества существуют, то и общество существует. И оно есть некоторая целостность, а не просто совокупность разрозненных индивидов. Далее: а племя, раса, род и пр. существуют? Это ведь тоже некие общности. Внутри позиции А. Рэнд явно обнаруживается внутреннее противоречие.

В качестве образца общественного устройства А. Рэнд рассматривает США. Соединенные Штаты отнеслись к человеку как к самоцели, а к обществу — как к средству для мирного, организованного, добровольного сосуществования индивидуумов. Но что такое США? Это определенное государство, социум, наряду с другими государствами. И его законы, мораль и пр. суть *общественные* установления.

Еще одним недостатком «альтруистической коллективистской морали», по мнению А. Рэнд, было то, что общество стояло над нравственным законом как «всемогущий, верховный самодур». Странно видеть у индивидуалиста требование подчинения *общему* моральному закону. Странно, что общество рассматривается как некий индивид в ряду других индивидов. При этом утверждается, что никакого общества нет. Если его нет, то упрек в его аморальности лишен смысла. Если общество — только множество разрозненных индивидов — аналогично.

Единственный разумный смысл данный упрек приобретает в том случае, если под маской общества в целом прячутся некие индивиды — правители, которые приобретают возможность творить произвол над подчиненными им людьми. Но ведь правители бывали разные: кто-то творил аморальные вещи, а кто-то под-

чинялся нравственному закону, старался делать добро людям. Еще Аристотель разделял хорошие и плохие виды государственного устройства. И главным признаком их разделения была забота правителей, прежде всего, о благе общества или о своей личной выгоде. Как раз правители-эгоисты аморальны, а правители-альтруисты — нет.

Еще один аргумент А. Рэнд, который содержится в данном высказывании — тот, что люди правящей группы получают при альтруизме свободу делать все, что угодно с подчиненными им людьми. Вот здесь-то и проявляется различие между коллективизмом и альтруизмом. Разве альтруизм разрешает делать все, что угодно? Разве он обращен только к подчиненным, а к правителям общества не обращен? Он обращен ко всем людям. И от правителей могут исходить приказы, противоречащие альтруизму. И их выполнение может противоречить альтруизму. И в этом смысле общество может быть аморальным. В сущности, если общество считает за доблесть отказ от любой взаимопомощи, от любого самопожертвования, общество, культивирующее откровенный эгоизм, то есть равнодушие к ближнему, и дозволение его эксплуатировать и есть аморальное общество.

Непонятным остается, однако, почему же эгоисты должны прятаться под маской альтруизма? Значит, альтруистическая идея, в данном случае, идея общего блага привлекательна для людей. Почему же она привлекает, если есть только индивидуумы-эгоисты? Если есть только люди по отдельности, то идеи альтруизма и общего блага не могли бы даже появиться. Само существование и привлекательность альтруизма остаются для А. Рэнд чем-то непонятным и иррациональным.

Рациональное зерно в рассуждениях А. Рэнд есть. Действительно, воздействие общества на отдельного человека должно иметь пределы и ограничения. Иначе подавляется и исчезает само личностное начало, связанное с самоопределением человека как разумного существа. Моральные ограничения власти необходимы.

Но даже если коллективистско-альтруистическая мораль есть просто прикрытие для эгоистических интересов какой-то группы людей, то что может возразить на это поклонник эгоизма? Они имеют право! Если эгоизм — это принцип жизни, ведь каждый имеет право на жизнь, то для этого все средства хороши. Правители ведь тоже эгоисты. И они

используют альтруизм как средство манипуляции людьми. А. Рэнд вынуждена подчеркивать, что она придерживается именно *разумного* эгоизма.

Для этого она разделяет счастье на настоящее и ненастоящее. Настоящее счастье — это состояние непротиворечивой, прочной радости, радости без чувства вины, без страха. Счастлив может быть лишь разумный человек, человек, преследующий разумные цели, ищущий разумных ценностей и находящий радость лишь в разумных действиях. Это счастье творца, а не пьяницы.

И достигать счастья нужно способом, *подобающим, приличествующим* человеку — своим трудом и суждениями своего ума.

А. Рэнд пытается доказать, что обман другого человека недопустим. Но делает она это весьма своеобразно и не очень убедительно. Ценности не имеют никакой цены, если они достигнуты обманом. При обмане мы становимся зависимыми от глупости и других недостатков обманываемого человека, становимся жертвами этой глупости.

Почему деньги и пр. перестают быть ценностью, если они добыты с помощью обмана? — непонятно. Почему бы индивидуалисту-эгоисту не воспользоваться глупостью ближнего, если это выгодно? Разве даже в честной конкуренции верх не берет тот, кто умнее, умелее? Разве здесь тоже нет зависимости от глупости или от недостатка ума другого? И чем лучше зависимость от ума другого? Какая с этого *мне* выгода? Утверждение, что честность есть наиболее *эгоистичная* из всех добродетелей, «отказ приносить реальность собственного существования в жертву чужим заблуждениям» вообще маловразумительно. При обмане не я приношу себя в жертву чужим заблуждениям, я делаю своими жертвами обманываемых мной людей ради собственной выгоды. Но ведь, как таковые, другие люди мне безразличны, меня интересует лишь мое личное счастье. Так что никаких моральных преград для обмана других людей при преследовании собственного счастья не существует.

А. Рэнд пытается отмежеваться от насилия как способа достижения личного счастья. Она считает, что угрожать физическим уничтожением человеку значит отрицать или парализовать его разум как инструмент выживания. Но, во-первых, что мне до его разума? Я живу для своего счастья, а не чужого. Все, что помогает моему счастью — нравственно оправдано. Тогда и насилие над другим ради моих собственных интересов оправдано. А есть А. Назвался эгоистом — будь последовательным. Во-вторых, подчиняется насилию в данном

случае именно *разумное* существо, *разумя* исходящую от меня опасность. И заключающее со мной своеобразную сделку: жизнь в обмен на кошелек.

Грабители — паразиты, они существуют только за счет гибели тех, кто действует по-человечески. Но ведь жизнь — борьба. И цель в ней — собственное счастье. Главное — успех, «по-человечески» он достигнут или нет. Уже давно замечено, что преступники пользуются плодами всеобщей нравственности. Но для себя они делают исключение из общего правила. Так что никакого противоречия они не испытывают.

А. Рэнд отвергает и гедонизм. Счастье должно быть прочным. Только производительный труд может дать такое счастье. А гедонизм рискован и неразумен.

Самыми разумными и подобающими отношениями между людьми А. Рэнд считает отношения обмена. Моральный идеал для нее — делец. Делец обладает добродетелью справедливости. Он берет только заработанное. Но заработанное определяется стихией рынка. Разумен тот, кто приспосабливается к рыночным условиям. Он вознаграждается соответствующим доходом. Таковы должны быть нормальные отношения между людьми, по мысли А. Рэнд. Наибольшее неприятие у А. Рэнд вызывает связанная с альтруизмом жертвенность. Жертвенность есть отказ от того, что наиболее ценно, без расчета на малейшую личную выгоду.

Рэнд пытается критиковать само понятие жертвы. При этом, как представляется, она впадает в противоречие с самой собой. Она сравнивает двух матерей, которые отказываются от покупки шляпки ради того, чтобы накормить ребенка. Если первая мать ценит ребенка выше шляпки, то с ее стороны жертва не совершается. Вторая мать ценит все-таки шляпку выше ребенка, но, покупает ему еду вместо того, чтобы купить себе шляпку, руководствуясь обязанностями. Вот она и совершает жертву.

Это, на наш взгляд, парадоксальное понимание. Отказ ведь совершается тоже во имя чего-то, то есть во имя какой-то ценности, которую признает данный человек. Большая ценность побеждает меньшую ценность. Тем самым, отказаться от того, что наиболее ценно — нельзя. В ситуации данного конкретного выбора человек всегда предпочитает именно наиболее ценное. Если бы определение гласило, что «жертвенность есть отказ от чего-то ценного для человека», тогда оно было бы верно. Но в таком случае различие между примерами, приводимыми А. Рэнд, исчезает. Если

мать покупает еду своему ребенку, потому что ценит его выше шляпки, то и вторая мать, которая делает это по обязанности, делает это потому, что ценит его выше шляпки. Единственное различие в том, что в первом случае мать испытает больше *радости* от сытого ребенка, чем от обладания шляпкой, а во втором случае мать делает это по обязанности без *радости*. В первом случае мать действует из эгоизма, из калькуляции своих удовольствий, выбирая большее *для нее* удовольствие, во втором случае она жертвует своим удовольствием ради блага ребенка. Ясно, что с моральной точки зрения, второй поступок более похвален.

Если жертва – это отказ от чего-то ценного ради чего-то другого, то вся жизнь человека оказывается связанной с жертвами. У человека много желаний, и не все они могут быть осуществлены одновременно. Так что всегда приходится от чего-то отказываться, стало быть, жертвовать. Пусть для матери ребенок доставляет больше радости, чем шляпка. Но ведь и шляпка доставляет ей радость. И она отказалась ради ребенка от покупки шляпки, то бишь пожертвовала этим своим желанием. Но с альтруизмом связана жертва именно ради *другого* человека. Жертва – это мой отказ от чего-то ценного ради другого человека.

Другие примеры у А. Рэнд: если вы даете своему голодному ребенку молоко, это не жертва; если вы кормите молоком чужого ребенка, а ваше дитя умирает, вы приносите жертву. Если вы помогаете деньгами другу, это не жертва; если вы отдаете деньги первому встречному, речь идет о жертве. Если вы помогаете другу деньгами, потому что можете себе это позволить, вы ничем не жертвуете, если вы помогаете ему в ущерб себе, это можно, в соответствии с такими нравственными нормами, назвать добродетелью. Но если вы помогаете ему деньгами, тем самым становясь банкротом, – это высочайшая жертва.

В случае с голодными детьми противопоставляются несоизмеримые случаи. Если у вас много молока, то напоить и своего, и чужого ребенка не представляет проблемы. Если у вас мало молока, то вы можете выпить его сами, или отдать своему ребенку. В данном случае жертва неизбежна. То же самое касается случая со своим и чужим ребенком. А как же поступит эгоист? Он выпьет молоко, а своему ребенку не даст. Ведь я же ближе самому себе, чем мой ребенок. Эгоист не даст и чужому голодному ребенку молока, даже если его у него будет много, и никакого ущерба от этого он не потерпит. Вот это и есть аморализм. От-

сутствие помощи при возможности ее оказать. Человек ведь существо помогающее.

Не совсем ясна позиция А. Рэнд по поводу помощи деньгами своему другу. Нужно ли помогать другу в ущерб себе? С позиций эгоиста не нужно. Но чего стоит подобная дружба? Собственное банкротство, конечно, нежелательно, даже в случае помощи другу. Но, в крайнем случае, если нет иного выхода, морально допустимо и оправдано.

Стоит отметить, что в данных примерах появляются *свои* люди. Это означает, что другой человек может быть тоже ценностью для человека. И удовлетворение потребностей другого человека может приносить радость человеку. Это прорыв изолированности между индивидами. Свои люди мне близки, я им помогаю, стараясь доставить им радость. Веду ли я при этом себя как эгоист? Или это уже альтруизм?

Другие примеры жертвы у А. Рэнд вызывают некоторое недоумение. Когда человек умирает в борьбе за свою свободу, это не жертва, ведь он не хочет быть рабом; но для того, кто именно этого и хочет, это действительно жертва. Когда человек отказывается продавать свои убеждения, это не жертва; это будет жертвой лишь в том случае, если у человека нет убеждений. Данное суждение представляется противоречивым. Оно противоречит тому, что жертва есть отказ от чего-то ценного. А в приведенных примерах вообще получается абсурд. Если человек умирает за свою свободу, хотя хочет быть рабом – это понять трудно. Также как человек, продающий свои убеждения, хотя их у него нет. По сути вещей, если даже человек умирает за свободу, не желая быть рабом, то все равно он лишается чего-то весьма ценного – своей жизни. Значит, все равно жертва налицо.

Почему же приводятся такие неубедительные и абсурдные примеры? Почему надо настаивать на том, что жертва есть обязательно жертва самым ценным? На наш взгляд, это нужно А. Рэнд для того, чтобы скрыть тот факт, что, делая выбор между ценностями, которые для нас действительно важны, мы неизбежно жертвуем какой-то из них. Жизнь – это постоянный выбор и постоянная жертва. Конечно, жертвы бывают разные. Я могу жертвовать одним моим удовольствием ради другого своего же удовольствия. А могу жертвовать ради другого человека. Но и в этом случае жертва для другого есть осуществление именно *моего* желания. Создается впечатление, что А. Рэнд незнакомы моральные чувства долга, сострадания, сочувствия, человеколюбия и пр. Эта

моральная глухота ею же возводится в добродетель.

Еще один аргумент касается неосуществимости альтруизма. А. Рэнд утверждает невозможность достижения морального альтруистического идеала. В самом деле, получается, что абсолютный альтруист вообще не должен жить для себя, а все, вплоть до собственной жизни отдавать другому человеку. Причем отдавать систематически. Жизнь превращается в непрерывное наказание, самоотречение. Получается, что благо – это то, что хорошо для всех, кроме тебя.

А. Рэнд верно отмечает, что при предпосылке существования общества абсолютных альтруистов, сам альтруизм стал бы невозможным. Ведь альтруист готов оказать помощь другому, но сам не принял бы помощь. Принятие помощи эгоистично.

В данном случае А. Рэнд, на наш взгляд, верно критикует крайности альтруизма. Но, в общем-то, альтруисты понимали невозможность целиком и полностью быть альтруистом. Они стремились к тому, чтобы человек побольше, *насколько это возможно*, сочувствовал бы другим людям и помогал им. И как верно заметил Э. Фромм, если любить человека вообще хорошо, то и любить себя – хорошо, ибо я – тоже человек.

Между прочим, И. Кант под человеколюбием и долгом любви к людям понимал *желание* блага другим людям. Что касается практического *содействия* другому в достижении его блага, то тут нет жесткой моральной необходимости. Здесь имеют место различные степени близости данного человека ко мне, и, соответственно, различные степени моего соучастия в его жизни. И. Кант ставит вопрос и о пределах благодеяния. И приходит к выводу, что расходовать свои средства на благотворительные цели можно, но не до такого предела, чтобы в конце концов самому нуждаться в благотворении других.

Еще один аргумент А. Рэнд гласит, что альтруизм – преступление против жизни. Ибо помогающий другим людям отнимает что-то от своей жизни, лишает себя каких-то жизненных благ. Конечно, если один человек отдает что-то другому, не пользуясь этим, то его жизнь терпит некоторый ущерб. Но ведь другой это *получает*, и его жизнь улучшается! А, может быть, моя помощь вообще спасла ему жизнь? Если человек имеет право на жизнь, то разве помощь ему в реализации этого права не есть дело благое? Если же мы лишили его помощи, его жизнь претерпела ущерб, а, может быть, и вообще закончилась. *Отказ* в помощи, получается, наносит ущерб жизни.

Кроме того, еще И. Кант и А. Шопенгауэр отмечали, что моральные поступки вызывают у человека чувство морального самоудовлетворения. А это ведь проявление жизни. Таким же проявлением жизни следует считать и «триумф помогающего».

«Эстетический» аргумент против альтруизма заключается в том, что альтруизм художественно невыразителен. Но жалость, сострадание, сочувствие и прочие подобные аффекты разве невыразительны? Собственно, чем отличается *положительный* герой от отрицательного в художественном произведении? Положительный герой *помогает* другим людям, делает добро, рискует собой ради других. При этом главный герой имеет собственные желания, интересы и даже страсти. Робин Гуд, вызывающий ненависть у А. Рэнд, разве художественно невыразителен? Конечно, если брать крайние проявления альтруизма вроде Сони в романе Л. Толстого «Война и мир», то по отношению к таким проявлениям аргумент А. Рэнд правомерен.

Один из важных аргументов против альтруизма заключается в том, что альтруизм несовместим со свободой, с капитализмом и индивидуальными правами. «Стремление к счастью нельзя сочетать с нравственным статусом жертвенного животного». В связи с этим А. Рэнд обрушивается на так называемые социальные права. Она вопрошает: за чей счет будут обеспечены эти права? За счет успешных, удачливых граждан. Это, по ее мнению, нарушает права человека на жизнь, на честно заработанную собственность и пр. Но если все индивиды стремятся к счастью, то почему бы более сильным и удачливым не помочь менее сильным и удачливым? Разве это не увеличит количество счастья в мире? И разве нельзя быть счастливым от счастья другого?

Можно ли утверждать, что все общественные отношения строятся на началах рыночного обмена? Разве семья построена на началах индивидуального обмена? Откуда взялся индивид, борющийся за свое счастье? Если бы семья руководствовалась рыночными принципами, она не заводила бы детей. Это весьма рискованное и затратное предприятие. И все ли индивид возмещает обществу через рыночный обмен? Нет, конечно. Так что потребовать от индивида сделать что-то для общественного блага было бы справедливо.

Кроме того, экономическая наука установила, что в массовом образовании и здравоохранении рынок терпит провал. Так что бесплатное образование и здравоохранение за государственный счет более эффективно, в интересах всех.

Можно рассмотреть этот вопрос с позиции разумного эгоизма. С этой точки зрения, помощь социально слабым выгодна и самим успешным людям. Она уменьшает потенциал конфликта в обществе, сохраняет социальный мир, что опять-таки выгодно всем.

Как быть с тем обстоятельством, что реальные антагонизмы при конкуренции, при отношениях классового антагонизма приводят к подавлению части общества, к тому, что многие люди не могут сами достичь просто элементарного достатка в семье? Ведь каждый работодатель заинтересован в понижении заработной платы своим работникам. Нужно преодолеть равнодушие к другим людям и помочь им за счет общества, за счет более успешных людей.

Еще один аргумент: альтруизм зиждется на предпосылке, что для счастья одного человека необходимо страдание другого. По мысли А. Рэнда, именно отношения рыночного обмена, свободные от насилия, и есть такие отношения, где никто не приносится в жертву, никто не ущемляется, что в них нет конфликта интересов. Данная точка зрения игнорирует наличие действительных антагонизмов между продавцом и покупателем, между работодателем и работником, между конкурентами. То, что обмен совершается добровольно, без насилия, не означает, что ущемления чьих-либо интересов здесь нет. Кроме обычного внешнего принуждения, есть еще экономическое. Наемный работник иногда *вынужден* работать просто за кусок хлеба. И работодатель *сознательно* пользуется бедственным положением работников или конкурентов.

Следующий аргумент звучит экстремистски: альтруизм ведет к газовым камерам. Диктат общества над индивидом ведет к насилию над людьми. Но вопрос в том, что делает этот диктат? Одно дело, если люди уничтожаются промышленным способом, как при нацистском режиме. Другое дело, когда вельфегосударство забирает часть заработанного у богатых и отдает бедным. Финансирует бесплатное образование, здравоохранение, социальные пособия и пр. Конечно, происходит принудительное пожертвование богатых в пользу бедных. Но так ли велики «бедствия» этих богатых, чтобы называть их «жертвенными животными»? Этот аргумент верен в том плане, что, действительно, тоталитарные диктатуры используют альтруистическую фразеологию для оправдания своего господства, тре-

буют жертв от людей в интересах властвующих элит. Но ведь они используют и эгоизм. Аргумент работает против неправомерного использования альтруизма, но не против самого альтруизма. Кроме того, как уже было сказано, альтруистические требования обращены ко всем людям, в том числе и к правителям.

Примечательно, что А. Рэнд, говоря о ценности великих людей, новаторов, изобретателей прибегает к альтруистическому языку. Человек, рожающий идею, добывающий новые знания, действует на благо человечества. В данном случае появляется не только общественное благо, но даже благо всего человечества! Где же тут эгоизм? Оценка великих людей ведется с позиций альтруизма. И при оценке вознаграждения великих личностей А. Рэнд опять-таки отходит от своего рыночного критерия: по отношению к затраченной умственной энергии человек, совершающий открытие, получает лишь небольшой процент компенсации в виде материальной оплаты, независимо от того, какое состояние он на этом делает. Вот беда: оказывается, объективный рыночный способ оценки ценностей в случае с новаторами дает сбой, не компенсирует усилий новатора! Но это же несправедливо, если исходить из собственных основоположений А. Рэнда. Ведь именно рынок, с ее точки зрения, дает наиболее объективную оценку результатов деятельности индивида.

Таким образом, можно заключить, что аргументация А. Рэнда против альтруизма не вполне убедительна. Она имеет ценность в случае абсолютизации, доведения до крайности принципов альтруизма. А. Рэнд противопоставляет крайнему альтруизму крайний же эгоизм, при этом стремится избежать аморальных последствий последовательно эгоистической позиции. На наш взгляд, это у нее получается неудовлетворительно. Сам феномен морали противоречит откровенному эгоизму. Последний тесно связан как раз с аморализмом.

Васильев Сергей Федорович – кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и социология»

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова» (АлтГТУ), г. Барнаул, Россия